

Я не была дома с тех пор, как стала трансгендерной, и моя семья (или, по крайней мере, единственный член семьи, который был мне достаточно близок, чтобы заботиться) восприняла это лучше, чем кто-либо другой. Я помню тихий вздох, когда я позвонила своему единственному родителю и объяснила ему, что принимаю гормоны уже двадцать один месяц. Когда я уезжала в колледж, он отдал мне некоторые из своих старых знаков мужественности, например, часы, которые ему передали. Он посмотрел мне в глаза и пожал мне руку, прежде чем я закинул рюкзак в машину. Я оглянулся на него и почувствовал напряженное дыхание, которое было ограничено женской одеждой, скрывавшей мой обычный вид. В тот момент я смирилась с тем, что это был последний раз, когда он мог принять и увидеть меня.

Пытаясь найти хоть какой-то мостик к тому, почему я перехожу сейчас, я начала с чувств, которые начались еще до гормонов. Как дисфория начала давить на меня, добрые друзья и терапевт, которые провели меня через все это, и поддержка интернета, который привел меня к ответу. В детстве мы никогда не говорили о многом, связанном с ЛГБТ+, но у меня не было причин полагать, что он расстроится из-за этого.

Папа был единственным человеком, который играл активную роль в моей жизни, больше, чем любой из моих друзей или партнеров, которых я пытался завести. Пот покрывал мои ладони, а в глубине сознания был вечер, спланированный вокруг возможной потери. Он был человеком, с которым я училась, проводила выходные и пробовала новые вещи. Он был терпелив и спокоен, и когда я позволила своему беспокойству говорить дольше, чем собиралась, он наконец заговорил.

"Милая, ты не первая транс-девушка, которую я знаю. В студенческие годы я близко дружил с одной из них и наблюдал, как она менялась. Я очень горжусь тобой и благодарен, что ты чувствовала себя достаточно комфортно, чтобы поделиться этим со мной. Ты уже выбрала имя?"

Я была в шоке, забыв о своем выбранном имени на несколько заиканий, прежде чем пролепетала: "Габриэлла".

"Мне нравится!" воскликнул он. "Пришли мне фотографию того, как ты выглядишь сейчас, и если ты укажешь размеры, мы сможем начать замену твоего шкафа". Пока Эван, мой отец, составлял список всех вещей, которые мы должны сделать, я молча корил себя за то, что не попросил его о помощи раньше. Ранний переходный период был безумной гонкой за одеждой и другими вещами, которые помогли мне почувствовать себя собой после того, как я осознала, кем я была. Мы обсудили виды одежды, которые привлекли мое внимание, и я получила здоровое напоминание о том, что многие мужчины выросли без представления об индустрии моды, что касалось и нас обоих.

Мы обменялись фотографиями и стилями, чтобы помочь ему понять, какая одежда помогает мне приуменьшить плечи и колени (самые вызывающие дисфорию части тела) и продемонстрировать другие мои особенности. Эван выбрал для меня много платьев и юбок, поспешно заверив, что мы сможем вернуть все, что мне не подходит или не дает мне чувствовать себя комфортно. Он подтрунивал над покупкой сексуальной одежды, но предложение звучало искренне, моя тревога все еще контролировала меня и не позволяла мне согласиться, несмотря на то, что он настаивал, что если я хочу, то могу выбрать непристойное

нижнее белье. Он задавал вопросы без осуждения в сердце, и я постаралась ответить на все, что могла. Его информация не была слишком устаревшей, за исключением терминов, которые начали появляться.

Я почувствовала, как внутреннее смятение и ужас от потери отца сползают с меня, как гири, после того, как наш телефонный разговор прервался, и с этого момента мы начали переписываться каждый месяц, пока я была занята в колледже. Фотографии платьев, советы о том, как разговаривать с девушками, и даже однажды вечером, выпив по паре бутылок пива, мы перешли на новый уровень общения.

"Пап? Твоему другу было трудно... сблизиться с людьми?" спросил я с сердцем в горле.

"Ну... да". Он звучал озадаченно. "Разве ты не имел дело с людьми, которые не могут полностью осознать это или отпустить свое эго? Я думала, что трансгендерным и небинарным людям постоянно приходится с этим бороться?"

"Нет, я не об этом. У нее когда-нибудь были проблемы с... интимной близостью с кем-то?" Я боялась спросить слишком много для его комфорта, но в его голосе не было колебаний.

"Ну, ей нужно было найти кого-то, кто хотел бы видеть ее такой, какая она есть, а не кого-то, кто пришел бы к ней с какими-то представлениями о том, какую девушку они собираются получить. Всегда есть люди, которых ты называешь "преследователи", которые хотят девушку только из-за своего члена, или люди, которые считают всех транссексуалов извращенцами, или лишенными секса, или даже психически больными. Когда она наконец нашла их, именно эта связь с кем-то, кто хочет видеть ее такой, какая она есть, помогла ей чувствовать себя комфортно. Дисфория - это тоже огромная часть этого. Девочки в вашей школе не очень принимают транс лесбиянок?". Он снова отпил глоток, и теперь у меня был блестящий момент для того, чтобы сказать ему, что он бисексуал.

Я не знала, как сказать ему об этом, поэтому просто позволила словам вырваться из меня. "Ну, парни тоже. У них такой менталитет, что если они отсосут мне, то станут геями или что-то в этом роде. Проблема в том, что мои гормоны продолжают распространять во мне ощущения, которые указывают на то, что я с мужчиной. Трудно сказать, временно ли это".

"Да, Габби, это предположение о том, что я лесбиянка - это такая ментальная ловушка. Я знаю, что у тебя, вероятно, бурлят гормоны и тебе просто нужно внимание, но ты заслуживаешь кого-то, кто не дрогнет от твоей идентичности и поднимет тебя за это. У тебя прекрасная фигура, и я даже не могу поверить, как сильно ты изменилась. Это заставляет меня желать, чтобы я знал тебя по-другому, и это также заставляет меня чувствовать себя грязным стариком". Я не знал, что сказать, когда он закончил говорить. Мне показалось, что в этот момент он почти расстроился, что не может быть тем партнером, на которого я надеялась каждую ночь. "Я имею в виду, что если тебе нужно, ты всегда можешь купить несколько секс-игрушек вместе с одеждой".

"Папа, не волнуйся так сильно, ты красивый. Мне всегда было интересно, приведешь ли ты

домой кого-нибудь, кто наконец-то это увидит. Пожалуйста, не отправляй мне дилдо, я уверен, что смогу обойтись тем, что у меня есть, или тем, кого смогу найти. На самом деле, у меня никогда не было кого-то... ну, знаешь... внутри меня". Я хихикала в трубку, но мое лицо было покрыто чувствительными точечками стыда, когда я рассказывала ему о своей более сексуальной стороне.

Он засмеялся, потягиваясь и стоная. "Сомневаюсь. Кроме того, я не ищу таких людей. Я верю, что любовь и похоть приходят за тобой, когда ты меньше всего этого ожидаешь. За тобой будет охотиться столько людей, что тебе не понадобится фаллоимитатор". Он даже не затронул вопрос о том, что я не брала кого-то раньше, что заставило меня нервно задуматься, не слишком ли далеко я зашла. Остальная часть телефонного разговора прошла вполне нормально, но у меня появился глубокий румянец, покрывший верхнюю часть моих щек, который держался несколько часов. Я пыталась солгать и сказать себе, что это просто комфорт от того, что меня наконец-то приняли, а не интерес к моему отцу.

Мой отец был затворником, у него было мало друзей, которых он поддерживал на протяжении многих лет, и он часто заканчивал тем, что тихо потягивал напиток с книгой в руках. Когда я был ребенком, он ждал в своей кровати, когда мы заканчивали ужинать, и сидел почти до двух часов ночи, словно ожидая, что кто-то согреет простыни вместе с ним. Я всегда удивлялась, почему он никогда не приводил домой подружку и не встречался ни с кем из коллег с работы. Вместо этого я вновь загорелась желанием узнать его, когда тот первый разговор пронесся от нашего дома в Орегоне до моего колледжа в Вашингтоне.

Однако после того, как я услышала его комментарий о моих формах, мне стыдно признаться, что мой вкус к мужчинам постарше начал расти, и большинство моих порнографических привычек переместились на мужчин за сорок с девушками за двадцать. Возникла манящая идея найти мужчину, который вспоминает молодые годы, и позволить ему пробудить их вместе со мной.

Последние два года я изучала компьютерные науки (со специализацией в области сетевых технологий) в Университете штата Вашингтон, и после того телефонного звонка мой папа переживал каждую смену гормонов, каждого странного парня и даже подруг. Он никогда не ходил на свидания, что я видел, но у него было много хороших советов, он веселился в основном в молодости и наблюдал, как менялись отношения наших друзей и соседей на протяжении многих лет.

Мы выбирали фильм и книгу на месяц и обсуждали жизнь, когда у меня было свободное время, и, наконец, однажды вечером я набралась смелости и спросила его, почему он так терпелив к тому количеству излишней болтовни и одиноких излияний, которыми я страдала во время большинства наших бесед. Эван даже не вздрогнул, когда я, вернувшись со свидания, позвонил ему, чтобы подробно пожаловаться на мальчика, который оставил мой член болезненным от неумелого и зубастого минета.

"Папа, разве не странно говорить со своей дочерью о ее втором половом созревании и всех ее свиданиях? Или о состоянии ее, возможно, ушибленного члена? Этот парень сделал со мной все, что мог".

Он засмеялся, и я услышал, как он потягивает вечернее пиво. "Твое первое половое созревание было более странным, чем это, и я просто счастлив знать, что ты жива и в безопасности. Ты знаешь, я до сих пор улыбаюсь, когда прохожу мимо старого залатанного гипсокартона, который оставила твоя первая девушка".

"Она ни в чем не виновата!" радостно крикнула я в трубку. Подпрыгнув, я схватилась за промежность и застонала.

"Габби, если ты хочешь приводить девушек в общежитие, ты не должна позволять им пробивать дыры в стене, когда ты их трахаешь". Он хихикал в трубку, но я насмеялась.

"По крайней мере, я приводил домой девушек! Она была такой милой, а я был достаточно силен, чтобы удержать ее так долго. Ты не можешь честно пытаться сказать мне, что ты бы не сделал то же самое. Разве ты не должен был выжечь мне глаза подружкой или чем-то подобным, когда привел ее домой? Держать своего ребенка всю ночь на ногах, заставляя какую-то девчонку кричать о тебе?" Как только я это сказала, я почувствовала себя неловко и подумала, стоит ли мне извиниться.

"Ты самая красивая девушка, которую я видел за долгое время, миссис, но у меня достаточно дыр в стенах". От его слов по моему позвоночнику пробежали мурашки, которых я не ожидала, и я задрожала. Он продолжил, когда я ничего не ответила. "Действительно, выдавать себя за женщину - это дерьмо, которое еще не выветрилось из общества, и мне пришлось наблюдать, как моя подруга прошла через это. Я не завидую тем, кто пытается соответствовать тем стандартам женской внешности, которые тебе навязывают, особенно в таком возрасте. Когда ты становишься старше, либо люди перестают заботиться об этом, либо ты начинаешь бесконечно пытаться притворяться, что ты еще молода. Я рада, что у вас есть возможность справиться с этим, пока вы молоды, а затем вырасти в человека, которым вы хотели бы стать."

<http://erolate.com/book/1033/25899>